

ОБЩЕСТВО: МЕНТАЛЬНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

М. В. Пулькин

Петрозаводск

«Технология» массового самоубийства: старообрядческие самосожжения в конце XVII – XVIII вв.*

В процессе своего развития старообрядческое движение сформировало, отчасти стихийно, а отчасти и целенаправленно, путем планомерной подготовки, особую группу религиозных лидеров — руководителей самосожжений. Они принимали на себя нелегкую обязанность подготовить все необходимое для самосожжения и «предаться свирепству огненному» вместе с десятками приверженцев. Власти сразу после первых самосожжений пришли к выводу о том, что причиной массовых самоубийств является деятельность преступников — старообрядческих наставников. Отсюда проистекало умозаключение: стоит переловить и уничтожить их, умелых и опасных «водителей на гари», как самосожжения тотчас прекратятся. Об этом свидетельствует грамота царя Алексея Михайловича арзамасскому воеводе Т. Б. Булгакову, предписывающая «кликать по многия торговья дни всем, чтобы всяких чинов люди таких прелесников у себя в домах не держали, и где объявятца, имея ж их, приводили к вам в Арзамас в приказную избу». В случае поимки старообрядческих наставников следовало «сажать в особую тюрьму скованных и велети их беречь накрепко», используя для этой цели наиболее благонадежных людей — стрельцов и пушкарей, «скольким человеком пригож»¹.

На протяжении ряда десятилетий отношение общества к старцам оставалось неизменным. Обобщая накопленный к середине XVIII в. опыт, Синод в совместном с Сенатом указе от 13 мая 1745 г. выдвигал против вожаков самосожигателей расхожие обвинения в обмане своих приверженцев и невежестве: «мнимые от них наставники и сами свое заблуждение разумея, прельщающиеся привременным житием, остаются в окаменении, утверждая прелести свои разными вымыслами и обману». Самая главная их ложь, по мнению Синода, заключалась в проповеди мнимого мученичества, которое проявлялось «аки-бы за веру толь твердую сожиганием самих себя». Но для себя эти наставники, как полагали в Синоде, явно выбирают более легкий жребий: «над собой оные мнимые наставники раскольнические отнюдь никогда не делают, но только у неразумных временную и вечную жизнь лукавством своим отъемлют». В качестве аргумента приводились ссылки на опыт противостояния самосожигателям: «как и по делам в Святейшем Синоде много явно, что не себе, но оных единых к тому злу приводят». При этом старцами, как утверждалось далее в документе, движут не

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке программы Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество».

духовные, а исключительно корыстные мотивы: «сами не сожигаются и оставшимся именем их богатыся»².

Вопреки распространенному представлению, источники позволяют утверждать, что чаще всего «учители самогубительных смерти» умирали вместе со своими подопечными. На это указывают результаты архивных изысканий. Так, И. Сырцов на основании документов Тобольской духовной консистории пришел к выводу о том, что старцы «большой частью сами горели со своими жертвами»³. С этим выводом стоит согласиться: пути к спасению для всех собиравшихся в «згорелом доме» были отрезаны. К моменту самосожжения предназначенную для «гари» постройку окружали войска, и при попытке спастись «старцев» ожидал арест, пытки и неминуемая казнь. Надеяться на пощаду они не могли. Эти наставники вызвали сильнейшую ненависть как значительной части местного населения, свидетелей «гарей», так и властей.

Одним из первых в числе исследователей причин самосожжений вопрос о лидерстве в среде приверженцев «огненной смерти» поставил известный психиатр И. А. Сикорский. Он полагал, что внутри общины самоубийц всегда возникало «патологическое ядро, состоящее из субъектов наиболее болезненных и односторонних». Под энергичным руководством наставника оно становилось «опасным источником психической заразы»⁴. Если исходить из этого тезиса, то в России XVII в. складывалась опасная ситуация. Церковники были глубоко убеждены в том, что старцы бродят повсюду, заходят в крестьянские дома и подстрекают местных жителей к самосожжению. Так, пономарь Федор Шмаков доносил в 1725 г. Варнаве, архиепископу Холмогорскому и Важскому, что по всему Мезенскому уезду ездят старообрядцы, «для своих безделных корыстей собирают хлеб, <...> сами себя называют святыми, <...> к своей раскольнической прелести привлекают и всячески от святой соборно апостольской церкви простонародных людей отвращают». О проповедниках «знают всяк в своем приходе священники и об них, раскольниках, они, священники, не доносят и укрывают, а паче им раскольникам помогают». Результаты деятельности старообрядческих проповедников (массовые самосожжения и другие формы самоубийств) очевидны. Как говорилось в цитируемом документе, «многия простонародныя люди погибают огнем, сожглись и в воде потопились, и впредь многих прельстят и уловят к своей прелести»⁵. О проповедниках «огненной смерти» упоминают и документы конца XVIIв. Так, старообрядческий наставник Тимошка, о котором говорится в царской грамоте новгородскому митрополиту Корнилию, «многих крестьян расколу научил, и от церквей Божиих отлучил, и младенцев крестил, а иных старых и малых вновь перекрещивал». Итогом его деятельности стало массовое бегство за «свейский рубеж» и самосожжение: «в деревне Острове, собрався в овин, сгорело человек с тритцать»⁶.

Несмотря на некоторые экстравагантные черты поведения, старец, особенно на первых порах, не привлекал внимания местной власти. Этому способствовал его внешний вид. Судя по сохранившимся в следственных делах сведениям, облик старца был вполне заурядным. Он казался своим и не вызывал опасений. Не случайно уцелевшие старообрядцы на допросах часто не могли привести никаких особых примет и тем более дать детальное описание внешности своего наставника. Иногда свидетельства, содержащиеся в материалах делопроизводства, излагались курьезным образом. Тюменский крестьянин Сидорко сообщил на

следствии в 1687 г., что видел «двух старцов: один старец без уха, а другой мо- ложе»⁷. Дорожный статус старообрядческого наставника играл важную роль в обретении им позиций лидера. Дорога облегчала обмен эзотерической информацией, а страннику было значительно проще, чем местному жителю, занять положение наставника в крестьянской среде⁸. Эти старцы, «начитанные, даровитые, нравились простому народу, казались истинными учителями, радящими о его спасении»⁹. Тайственность появления старца придавала особое значение его проповеди. Происхождение старообрядческих наставников, вдохновлявших местных жителей на самосожжения, всегда оставалось секретом, как для самих участников массовых самоубийств, так и для следствия.

В показаниях свидетелей старообрядческого самосожжения, произошедшего в 1784 г. в деревне Фофановской Ребольского прихода, записано, что «оному раскольническому сборищу начальником был пришедший в ту деревню на масляной недели неведомо откуда старик, а как ево звали именем, и отчеством и прозванием, не знают». Особые приметы старца никак не могли помочь следствию. В их числе, как утверждали крестьяне, особого внимания заслуживал головной убор: «толко имелся на нем серый кафтан, а на голове холщенной серой кукул»¹⁰. Головной убор под названием «кукул» (кукель, т. е. накомарник) использовался карелами во время повседневной работы в лесу, но он же по традиции входил в состав смертной, надеваемой на покойника, одежды¹¹. Но старообрядцев эта разновидность головного убора привлекала, скорее всего, своим сходством с монашеским клобуком.

Важной составляющей деятельности старца, как видно из предыдущего текста, стал поиск сторонников, на которых он в дальнейшем мог опереться при подготовке самосожжения. Некоторые из них впоследствии сами становились старцами — руководителями самосожжений. Источники позволяют утверждать, что процесс подготовки новых наставников для будущих «гарей» стал в конце XVII в. непрерывным и осуществлялся путем случайных знакомств. Самой известной личностью на этой стезе является бывший соловецкий монах Игнатий, который сам возглавил одно из самосожжений, но прежде заставил уйти из Палеостровского монастыря, где готовился ритуальный суицид, своего ученика Емельяна. В изложении старообрядческого историка Ивана Филиппова ситуация выглядела следующим образом. Емельян принял деятельное участие в подготовке самосожжения, собирал сторонников — будущих «насмертников», но перед их гибелью старец Игнатий обратился к нему с такими словами: «Пойди, чадо, и собери себе другое собрание!». Емельян последовал совету старца и спустя небольшое время возглавил второе самосожжение в Палеостровском монастыре¹².

Информация о подготовке «гари», поступающая в местные, а затем и центральные органы власти, никогда не отличалась подробностью. В сообщениях сливались воедино два этапа деятельности «старца»: совершение обрядов и подготовка к самосожжению. Описания этого момента обнаруживаются как в документах делопроизводства, так и в старообрядческих сочинениях. Так, Иван Филиппов, излагая историю самосожжения в Березове Наволоке в конце XVII в., описывает начало деятельности наставника самосожигателей со времени прихода на место будущей «гари». Старец Пимен поселился в Лопских погостах и «приходящих у нему оучаше древлецерковное благочестие добре хранить, а от Никоновых новин веляше опасно хорониться». Затем, покинув свое жилище, он

«ходя по окрестным селам, тоже простираше оучение». Вскоре он завоевал симпатии местных жителей: «людие же видяще его пустынное богорадное жестокое житие и крепкое о благочестии стояние, вельми его любляху»¹³. Итогом деятельности старца стало самосожжение в Березовом Наволоке Шуезерского погоста (1687 г.), в котором приняли участие жители окрестных сел.

Старец и его помощники заботились о сборе как можно большего числа желающих умереть «благочестия ради». Такие всегда находились. Как показывает отписка архиепископа Афанасия, перед самосожжением в верховьях р. Кокшеньги к самосожигателям «приставают Кокшенские чети разных волостей крестьяне и в те леса сходят, и подговаривают у мужей жен и у отцов детей, сыновей и дочерей-девок, и, подговоря, в те ж леса сходят»¹⁴. Перед первым самосожжением в Палеостровском монастыре старец Игнатий послал своего сподвижника Емельяна Повенецкого «с прочими ревнители» для сбора местных жителей, жаждущих смерти в огне: «возвести благоверно пребывающим христианам, дабы хотящие с ним за древнее благочестие огнем сожигатися, шли к нему на собрание». Призыв имел успех: «людие же оуслышавше сие, начаша к нему собиратися, и собрася великое множество благочестивого народа»¹⁵.

Во все времена, пока происходили самосожжения, собравшиеся в «згорелом доме» всецело оказывались во власти старообрядческого наставника. С этого момента он становился беспощадным. Жесткое противостояние самосожигателей властям и одновременно высокое предназначение спасителя заблудших душ освобождало старцев-руководителей «гарей» от обычных человеческих чувств и привязанностей. Перед самосожжением разворачивались душераздирающие сцены борьбы за случайно оказавшихся в центре событий родственников между старообрядческими наставниками и крестьянами, оказавшимися вне стен предназначенной для «згорения» «ызбы». Но старцы, как правило, были непреклонны.

Именно об этом свидетельствует ответ старообрядческого наставника на просьбу крестьянина Евстрата Исаева: «<...> жены в дом не отпущу, а естли хочешь, то ты оставайся здесь с нами Богу молиться, жене же ево ответил: естли ты с мужем своим пойдешь в дом, то руки и ноги сломаем и убьем до смерти и, наконец, устраивая Исаева рогатиною, принудил выйти вон»¹⁶. Такого рода поведение старообрядческих наставников отмечалось и в Сибири. Здесь самосожжения «старцами-жрецами устраивались со всеми предосторожностями так, чтобы ни одна попавшая в их когти жертва не могла выскользнуть»¹⁷. Еще более категорично об этом аспекте самосожжений пишет Д. И. Сапожников: «не все люди соглашались бросаться прямо в объятия смерти», напротив: «сжигали их — наставники их, против их желания»¹⁸. Во время второго самосожжения в Палеостровском монастыре старообрядческий наставник Емельян и его сподвижники «игумена с братьею поневоля, связанных сожгли ж, и сами згорели»¹⁹.

Таким образом, результаты исследования позволяют опровергнуть существующие стереотипы о корыстолюбивых и отказывающихся погибнуть за «древнее благочестие» старцах — наставниках самосожигателей. На старца возлагалась тяжелая и длительная работа: сбор подопечных, организация сообщества добровольных мучеников, строительство «згорелого дома». В разных частях России и в разные исторические периоды наставники самосожигателей использовали устоявшийся круг способов решения всех этих задач и продолжали свою пастырскую деятельность до последних минут, погибая в пламени самосожже-

ний. Одной из предпосылок успеха их начинаний становилось строительство «згорелого дома» — особого помещения, предназначенного для «гари».

«Згорелый дом»

Первые самосожжения происходили в разного рода постройках, наспех приспособленных для новой цели. Например, как явствует из отписки арзамасского воеводы Т. Булгакова, в мае 1675 г. «згорело деревни Коваксы розных помещиков крестьян *в дву овинах* (курсив мой. — М. П.) семдесят три человека»²⁰. По словам духовного писателя конца XVIII в. Андрея Иоаннова, «в Новгородской области многие в могилах живые погребались, и тако живота своего бедного лишались, и в Новгородской области тоже многие тысячи огнем в овинах горели и в лесах, в луговой стороне, в морильнях от учителей своих запертые погибали»²¹. В дальнейшем для добровольных аутодафе иногда использовались монастыри, частные дома или пещеры²². Последние в истории самосожжения словно вернулись к истокам: трупы погибших в «гарях» вновь стали находить в лесных избушках, а не в специально возведенных для гибели постройках. Так, погибшие в мае 1860 г. в Каргопольском уезде старообрядцы горели в небольшой постройке, ранее возведенной местными крестьянами для хозяйственных нужд²³.

Расцвет самосожжений в конце XVII — начале XVIII вв. связан с существенными изменениями в их подготовке. Постепенно, по мере становления «технологии» самосожжений, вырабатывались сходные для всех «гарей» способы организации «огненной смерти». Подавляющее большинство самосожжений происходило в специальной постройке, получившей в источниках название «згорелый дом». Прототипом «згорелого дома» стали морильни конца XVII в. — место гибели первых самоубийц «благочестия ради». Об этих помещениях сохранились подробные сведения. Так, один из поволжских старцев имел собственную морильню в Ветлужском лесу. Это было здание без окон и дверей, «куда садимы были постники через потолок». Здание охраняли пять-шесть сторожей с тяжелыми дубинками. Через два дня после лишения пищи несчастные пленники просили у старца пищи, но не получали ее. Через четыре дня они умоляли и «с проклятием требовали утоления голода», через шесть и более дней умирали в страшных мучениях, «проклиная и своих родителей, родивших их для такой страшной смерти»²⁴.

«Згорелый дом», как правило, отличался от обычных жилых построек своими огромными размерами, наличием нескольких (до пяти) комнат и небольшими окнами, через которые нельзя спастись от огня. Масштабы строительства со временем менялись. В конце XVII в. старообрядцы возводили грандиозные фортификационные сооружения, способные выдержать длительную осаду, иногда — окруженные мощными стенами. Затем постепенно в течение следующего столетия «згорелые дома» становились все менее впечатляющими. Причины строительства укреплений видны из труда Ивана Филиппова. По его мнению, единственной целью стало предотвращение внезапного штурма и захвата «насмртников». Так, старообрядцы перед вторым самосожжением в Палеостровском монастыре «подкрепиша около монастыря ограду, чтоб их внезапно не схватили гонители»²⁵.

Аналогичные приготовления к самосожжению имели место в других местностях России. В 1683 г. старообрядцы пришли «в черные дикие леса» на севере Архангельской епархии и «поставили острог, а в нем избы неведомо для какова воровского вымыслу». Штурм этого поселения силами посланного к старообрядцам небольшого отряда оказался невозможен. В свое оправдание перед царями Петром и Иваном не сумевший предотвратить самосожжение Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский, приводил подробное описание старообрядческой фортификации: «У острога ворота, и у них двери утверждены многими запоры. А острог был зделан в толстом лесу, от земли мерою трех сажен мерных, и поделаны были частые бойницы, и наверху бревенные катки, и внутрь острога деланы мосты, и на мостах было многое камень, и поделаны караулные вышки, да внутрь того острога было четыре избы, на них клетки, у ворот изба на подклете, на ней — вышки»²⁶.

В 1685 г. здесь произошло самосожжение: сгорели около 230 человек²⁷.

В течение всего XVIII в. перед «гарью» чаще строились отдельные дома, не предназначенные для длительной обороны. Несомненным доказательством планомерности подготовки к самосожжению стало создание запасов легковоспламеняющихся материалов — пороха, смолы, бересты, соломы. В ряде случаев для самосожжения в лесу возводилось небольшое поселение, которому, вместе с его обитателями, вскоре предстояло погибнуть в пламени. В 1756 г. приняли смерть 172 старообрядца Чаусского острога Гобольской епархии. Для «гари» они выбрали пустое место за деревней Мальцевой, между болотами и озерами. Туда они перенесли из ближайшей деревни четыре избы, две из которых, поставленные рядом, образовали некое подобие храма, в который готовящиеся к смерти собирались для общей молитвы. В подполье каждой избы они собрали солому и сосновые стружки. Дома окружал «стоячий тын», в окна вставлены железные решетки, ворота были постоянно закрыты. На крышах постоянно, день и ночь, стояли четыре человека из числа самосожигателей с заряженными ружьями. В собрание не допускали никого, кроме тех, кто желал умереть²⁸.

Описания «згорелого дома», таким образом, приводят к мысли о том, что в нем находилось все необходимое для длительного противостояния воинскому подразделению и одновременно — для пресечения всех попыток к бегству. Особое значение при строительстве «згорелого дома» и организации самосожжений придавалось «железному утверждению» — замкам и решеткам на окна и двери. Их ковали сами старообрядцы непосредственно перед самосожжением, специально для «згорелого дома». В 1755 г. крестьянин Иван Кондратьев в своих показаниях утверждал: «<...> ко окнам и дверям железные крюки, петли и решетки и прочее железное утверждение на то строение ковал, выходя в Кунозерское раскольническое жилище, записной того ж погоста раскольник Изот Федоров, который с женой Ириною в той избе с прочими людьми погорел»²⁹.

Элементы фортификации иногда сохранялись в облике «згорелого дома» и в XVIII в. Этот вывод подтверждается, кроме приведенных выше, и другими свидетельствами. В доношении Белозерской воеводской канцелярии Правительствующему Сенату, датированном 1754 г., сохранилось следующее описание предназначенной для самосожжения избы: она «имелась о трех жильях, в длину девяти, поперек осми сажен, а в вышину например рядов з двадцать, срубленная из толстого елевого лесу <...> и покрыта вся берестою и сухою дранью

и еловой сухой корой, которой де вскоре никоим образом разрубить и разломать было невозможно, и воды поблизости нет»³⁰. Картину подготовки к самосожжению дополняет описание вооружений, приготовленных для обороны «згорелого дома». В «згорелом доме» почти всегда размещался арсенал, необходимый для предотвращения ареста собравшихся для «добровольной смерти» старообрядцев. В источниках часто упоминается о том, что самосожигатели некоторое время отстреливались от «команд», присланных для «увещания», или угрожали им огнестрельным оружием. В некоторых случаях создание боевых запасов, необходимых для обороны старообрядческого «згорелого дома», происходило непосредственно на месте предстоящего самосожжения. Так, тюменский воевода в 1687 г. сообщал в своей «отписке» царям Ивану и Петру, что близ реки Тегени готовящиеся к самосожжению старообрядцы «завели кузнецов и куют копыя и бердыши», а также создают прочие запасы, необходимые для существования значительного коллектива, весьма быстрым и эффективным способом: «к большой дороге выходят, и людей бьют и грабят, и платье отнимают»³¹.

Самосожжения, таким образом, предстают не как спонтанный акт отчаяния, а как вполне сознательный и продуманный поступок. Для тех, кто искренне уверовал в спасительность самосожжений, «згорелый дом» стал воображаемыми воротами в Царствие Небесное. Но для тех, кто оказался в числе сторонников массового самоубийства по неосторожности или в силу нелепого стечения обстоятельств, он превратился в место пытки огнем и гибели. Смерть уравнивала тех и других, но гибели всегда предшествовала длительная, кропотливая подготовка, которая превращала умирание в искусство, требующее богословских, технических и военных познаний.

Обряды перед самосожжением

Созванные из окрестных деревень приверженцы «древлего благочестия» и невольные жертвы обмана, которые также нередко оказывались среди самосожигателей, становились участниками целой череды длительных и неторопливо совершаемых обрядов. В большинстве случаев, как говорилось выше, старцы-наставники и их подопечные терпеливо ждали прихода гонителей. «Все это время, — как указывает исследователь сибирского старообрядчества И. Сырцов, — обреченные на смерть люди должны были томиться в небольшом сравнительно здании, переполненном людьми, претерпевая голод и холод»³². Обряды, совершаемые накануне самосожжений, имели своеобразный зловещий игровой характер, как и любая другая ситуация ритуального перехода «от жизни земной к жизни потусторонней»³³. Источники старообрядческого происхождения говорят об этих обрядах предельно подробно. Перед первым самосожжением в Палеостровском монастыре в конце XVII в. находящиеся в нем старообрядцы «последние два дни ни хлеба, ни воды вкушающее, пребыша без сна, кающееся чистым покаянием, готовящиеся на смерть вси единодушно»³⁴.

Основу подготовительных мероприятий составляло, во-первых, перекрещивание водой (предшествующее крещению огнем). Так, в 1730 г. в Каргопольском уезде обнаружили старообрядцы, готовящиеся к самосожжению. Как говорилось в документах Новгородского архиерейского разряда, «все они перекре-

щиваются и чинят всякие церковные противности, о которых писанию придать мерзко, а количеством их больше 400 человек, церкви они не имеют, а имеют только по своему суевию трапезы, где б им сгореть»³⁵. Во-вторых, в показаниях очевидцев отмечена массовая исповедь. Так, один из старообрядцев, спасшихся из «гари» 1756 г. близ сибирского села Каменки, указывал на допросе в Тобольской духовной консистории: «последние минуты жизни посвящались на исповедование грехов, на общую пламенную молитву». При этом наставник, крестьянин Данило Санников, «исповедал поодиночке всех женщин, потом мужчин всех зараз, но никого не приобщал». После этого он ушел, а собравшиеся «стали исповедовать свои грехи друг другу, снова стали на молитву, которая продолжалась до самого начала горения»³⁶. Русские крестьяне и в этот период осознавали, что «человеку нельзя умереть без покаяния»³⁷.

В-третьих, важной составной частью подготовки к самосожжению являлось пострижение в монашество по «раскольничьему» обряду. К XVII в. в России широко распространилась «уверенность в преимуществе монашеской жизни для духовного спасения», что особенно ярко проявилось в «обычае пострижения в монахи или в схиму незадолго до смерти»³⁸. По чистоте души постригающийся становился подобен схимникам или даже ангелам. Подробные сведения о пострижении в монашество, предшествующем «гари», приводит А. Т. Пашков. Он полагает, что имело место как добровольное пострижение с соблюдением всех правил, так и профанация обряда, объясняя возникновение этой традиции «мистериальной связью» между общинами самосожигателей и Соловецким монастырем, ставшим в конце XVII в. на краткое время оплотом «древлеправославной веры»³⁹.

Вполне возможно, что подготовительные обряды были более сложны, чем их описания, дошедшие до нас в случайных отрывках. Судить о происходящем в «згорелых домах» мы можем на основании документов, составленных руководителями «команд», посланных для «увещевания» старообрядцев, а также рапортов прочих сторонних наблюдателей. Так, например, судя по доношению в Сенат старосты Кимежской волости Каргопольского уезда, для самосожжения в 1765 г. было привезено из Чаженского старообрядческого поселения «в грамоте умеющих для пения дватцать девок»⁴⁰. Подробности совершаемых с их участием обрядов неизвестны. Вероятно, что они принимали самое активное участие в ритуалах, предшествующих самосожжению.

Материалы следственных дел о самосожжениях подтверждают парадоксальный вывод французского социолога Э. Дюркгейма: «В известном смысле, бедность предохраняет от самоубийства»⁴¹. Погибавшие во время «гарей» люди отнюдь не принадлежали к беднейшим слоям общества, ими двигало не отчаяние, не «социальный протест», а совершенно другие мотивы. По данным следствия по делу о самосожжении, обнаруженным И. А. Черняковой, обитатели 15 дворов, добровольно принявших смерть в лесу вблизи деревни Насоновской Андомского погоста, «имели очень хорошо организованные и обустроенные дворы, в которых было все необходимое для жизни крестьянской семьи». Недалеко от этой деревни в лесу сохранилось пристанище, в котором крестьяне могли укрыться, а при необходимости — выдержать осаду. В нем имелись запасы, позволяющие жить «в течение длительного времени без контактов с внешним миром»⁴².

По мнению старообрядцев-участников самосожжения, от установившейся в России власти Антихриста надлежало спасти не только как можно большее число

людей, но и наиболее почитаемые, древние предметы церковного обихода. Разумеется, захват значительного количества ценного церковного имущества был возможен только в тех случаях, когда за старообрядцами оставался колоссальный численный перевес, и они могли свободно грабить приходские церкви. Первые сведения о гибели икон, книг и прочих церковных предметов относятся к концу XVII в. и обобщены авторами «Жалобницы». По их словам, перед самосожжением в Палеострове старообрядческий наставник Игнатий, «взяв множество книг и чудотворныя иконы, и прочия церковныя вещи, и ту пожгоша сами себе вси от мала до велика их, и иконы же, и книги, и церковь пожгоша»⁴³.

Наиболее подробные сведения о захвате и уничтожении церковного имущества старообрядцами-самосожигателями относятся к 1693 г. и связаны с Пудожской «гарью». В июле этого года царям Ивану и Петру Алексеевичам обратились священники церкви Пудожского погоста, которые сообщили, что к ним «пришли силно <...> расколники незнаемые люди», захватили и переосвятили по-своему храм, ограбили и выгнали из погоста местных священников. Попытки прибегнуть к помощи земского старосты С. Л. Журавицкого не принесли успеха: он по неизвестным причинам «от таких воров обороны и помощи никакия не учинил и нам отказал»⁴⁴. Царский указ предписывал собрать все имеющиеся силы, привлечь старост с понятыми, стрельцов и «обступить» старообрядцев, оберегаясь при этом, «чтоб они, воры, <...> какого дурна не учинили». В дальнейшем предполагалось «чинить о поимке над ними промысел», схватить их и «привести к роспросу и для свидетельства на Олонец». Особое внимание обращалось на возможное самосожжение: «жечься им, ворами, отнюдь не давать»⁴⁵. В том случае, если старообрядцы окажутся слишком многочисленными, предполагалось приступить к осаде старообрядческого поселения по всем правилам военной науки, словно речь шла о вражеской крепости: «вам бы с стрельцами и с понятыми людьми <...> стоять около того их пристанища денно и ночью, со всяким острегательством, ратным строем».

Однако стрельцов ожидал организованный отпор. Оказалось, что старообрядцы тщательно готовились к предстоящей обороне и близкой смерти. Как доносили стрельцы, «живут пудожана все в опасении, и караулы у них есть многие». Многие из пудожских старообрядцев поселились в деревне Строкиной, в четырех избах, и готовились к самосожжению. Но перед гибелью, ощущая временное превосходство в силах, они вломились в пудожские церкви Живоначальной Троицы и Николая Чудотворца, «и кресты, которые на церквах на главах, и в церквах святые иконы водою обмывали». После этого старообрядцы совершили крестный ход: «взяв кресты запрестольные и иконы, около тех церквей ходили, и своим воровским умыслом воду святили». Потом наступил черед перекрещивания: «советников своих и престлников в воде купали». В церквах совершались богослужения по старинным правилам, которые все готовящиеся к смерти старообрядцы дисциплинированно посещали: «в те церкви, строем с ружьем, приходили, и заутрени и вечерни пели». Наконец, наступило время, когда следовало захватить и унести с собой в «згорелый дом» церковное имущество: «с престола Евангелие и евангелисты и иные церковные книги вынесли». Итогом всех мероприятий стало самосожжение. После подхода стрельцов «оне де воры, зажглись вскоре и сгорели все без остатку, потому что де изготовлены были у них к тому пожегу всякие припасы, порох и солома и сено сухое»⁴⁶.

Таким образом, созданная старообрядцами система организации самосожжений была простой и эффективной. Она практически всегда приводила к гибели подавляющего большинства «насмертников». Но перед смертью предстояло совершить многое.

В последние часы перед самосожжением разворачивалась заключительная сцена «огненной мистерии»: полемика с «увещателями». Внимательное изучение процесса подготовки к самосожжению не позволяет выявить сколько-нибудь существенные межрегиональные различия: старообрядцы Европейского Севера и Сибири использовали сходные в основных чертах сценарии подготовки к массовому самоубийству. Однако существуют довольно заметные хронологические различия, связанные с постепенным снижением организационных возможностей «водителей на гари». В конце XVII в. они могли опереться на изначально готовую к радикальным действиям паству, действия которой предстояло лишь умело направить в нужное русло. Со временем, в XVIII в., толкнуть старообрядцев на радикальные действия, а тем более повести их на смерть, становилось все труднее. В арсенале старообрядческих наставников появились надежные средства, в числе которых — полемика с увещателями, а фактически — тотальное обличение «мира Антихриста», и убеждение тех своих сторонников, кто перед лицом мучительной смерти проявлял колебания и нерешительность.

Обоснованию необходимости самосожжения отводилось заметное место. При этом на старца-наставника традиция, сложившаяся в среде самосожигателей, возлагала непростые обязанности. Он обращался практически одновременно как к своим сторонникам, так и к тем, кто по долгу службы намеревался «увещать», а затем и захватывать собравшихся для самосожжения старообрядцев. Изучая документы, посвященные этой проблеме, невозможно отделаться от ощущения театральности всего происходящего. Такое восприятие возникает из-за того, что и обращение к сторонникам, и проклятия в адрес врагов, «слуг Антихристовых», «никониан» становились частью обряда, предшествующего самосожжению. Эти слова создавали соответствующую экзальтированную атмосферу в сообществе самосожигателей. В эти моменты старообрядцы подробно излагали свои убеждения, произносили те слова, которые, как они полагали, предстояло увековечить. Тщательная фиксация этих высказываний представителями власти, находящимися вблизи «згорелого» дома, ни у кого не вызвала сомнений.

Слухи о сборе сторонников, постройке «згорелого дома», обрядах самосожигателей и предстоящем массовом самоубийстве разносились по округе довольно быстро. В литературе иногда встречается не вполне обоснованное, преувеличенное мнение о том, что «появление солдат всегда служило сигналом к самосожжению»⁴⁷, а в том случае, если «гонители» уезжали, «народ избавлялся от самосожжения»⁴⁸. В действительности, как показывают документы, приготовления к ритуальному суициду привлекали самое пристальное внимание духовных и светских властей. Но в большинстве случаев подготовка к «гари» все равно шла в обычном порядке, а власти не предпринимали попыток штурма старообрядческого здания. В некоторых случаях старообрядцы нанимали разведчиков-посыльных. Последние за определенную плату выясняли намерения властей в отношении собравшихся для самосожжения, и тем самым внезапное появление «гонителей» у стен «згорелого дома» исключалось. Для некоторых местных жи-

телей в XVIII в. это занятие стало своего рода профессией. Так, задержанный в 1755 г. в Пудожском погосте крестьянин Иван Кондратьев во время допроса в воеводской канцелярии заявил, что он «ис тех гарей выходил по наведыванию о пришедшей команде для разорения <...>, а между оных гарей пропитание имел портным мастерством»⁴⁹. Своевременную информацию о приближающейся угрозе получили и мезенские старообрядцы в 1744 г.⁵⁰

В то же время сохранилось незначительное число свидетельств о том, что появление «гонителей» ускорило трагическую развязку. В 1684 г. подполковник Ф. Козин сообщал царям Петру и Иоанну, что обнаруженные им в Каргопольском уезде «церковныя расколники, послыша людей (стрельцов. — М. П.) зажглись»⁵¹. В 1765 г., перед самосожжением в Каргопольском уезде, староста и десяцкие Андоморецких «раскольнических жилищ» подошли ко двору одного из старообрядцев и стали «приступать и спрашивать о беглых людях». Хозяева, как оказалось, задолго до появления воинской «команды» тщательно подготовились к «гари» и ждали лишь удобного момента для совершения ритуального суицида. Они отказались отвечать на вопросы «десяцких». Вскоре двор «внутри загорелся»⁵².

В подавляющем большинстве случаев важной составляющей подготовки к самосожжению стала яростная полемика между представителями старообрядцев (чаще всего старообрядческими наставниками), с одной стороны, и присланными для увещевания представителями «никонианского» духовенства — с другой. Высказывания старообрядцев в такие моменты сами по себе являлись серьезным преступлением, а потому тщательно фиксировались теми, кто осаждал «згорелый дом». Так в следственных делах появилась особая составляющая — речи самосожигателей. Важно отметить, что довольно часто в ходе обмена репликами проявлялось отношение старообрядцев к Выговской пустыни — крупнейшему центру беспоповского «раскола» на Европейском Севере России. Высоко оценивая благочестие первых обитателей «общежительств», старообрядцы, как правило, были настроены резко критически к тому положению, в котором пустынь оказалась в середине XVIII в., т. е. ко времени отказа от радикальных настроений, теснейшим образом связанных с эсхатологическим мировоззрением. Как говорилось в показаниях старообрядца Ивана Кондратьева, обвинения сводились к следующему: «оныя выгорецкие расколники живут з женами, и ходят по разным городам, сообщаются и хлеб едят с протчими обывателями, а у них в собрании того ничего не бывало, и мяса не едали, и вина не пили»⁵³.

Суровые обвинения выдвигались в адрес «никонианской» церкви («<...> а у вас на престоле имеется Антихрист»), светских властей, отступников из числа самих приверженцев «древних» обрядов. Так, старообрядцы, запершиеся в Троицком Зеленецком монастыре Новгородской епархии, объявили, что в настоящее время в России «как святых церквей, так и священников никого у нас нет, тож как и государя, так и архипастырей никого не имеем, а коих хотя мы и почитаем, то де все неверные». Далее старообрядцы перешли к критике религиозных воззрений своих противников: «о тайнах Спасителя нашего так выговаривали дерзко, то де и описать нельзя такого их злого беззакония». Наконец, исчерпав подготовленный стандартный запас проклятий, но «не удовольствовавшись тем скверноречием», они выбросили из окна «нерукотворенной образ, которой написан на жести, сказывая, что де это не образ Спасителя, а написал сам Сатана»⁵⁴.

В начале октября 1753 г. власти узнали о старообрядцах, собравшихся на речке Ентале Устюжской волости. Отправленные к построенным старообрядцами избам «рассыльщики, капеист и сержант с немалым числом отставных солдат» впоследствии доносили начальству, что им пришлось вести переговоры со старообрядцами, запершимися в «превеликой избе», стоящей на «превысокой горе». В ответ на предложение разойтись послышались угрозы. При этом, «неведомо какой раскольник с крайним поруганием и хулением на святую католическую церковь злым своим языком, яко пес, прелестным своим словом изблевал, чего де написать невозможно». Требование подчиниться властям не имело успеха. Старообрядцы отвечали: «Сидим здесь числом 170 человек; переписать же нас вы не успеете, потому что близок тот час, когда престанем мы перед Христом!». В тот же момент дом вспыхнул⁵⁵.

Очевидно, что, решаясь на страшную смерть в огне, старообрядцы стремились к избавлению от «мира Антихриста», а не к преодолению тех или иных конкретных конфликтов с местной властью. В источниках и литературе по проблемам самосожжений мне удалось обнаружить несколько свидетельств о том, что старообрядцы не вступали в полемику с «увещевателями», а просто выбрасывали им из окон специально заготовленные письма. Эти послания предназначались для передачи в органы власти и содержали более-менее подробные разъяснения о причинах готовящегося самосожжения⁵⁶ или какую-либо другую существенную информацию, касающуюся ритуального суицида. Современники событий, прежде всего сами старообрядцы, называли этот документ «сказкой». Причины появления таких наименований проанализировал акад. Н. Н. Покровский. Он полагал, что эти письма, составляемые перед самосожжениями, заменяли собой прежнюю форму обращения к властям — челобитную, поскольку «антихристовой власти нельзя бить челом, с ней нельзя входить в любые отношения, ее можно только обличать»⁵⁷.

Первый такой случай произошел в деревне Вармалей Нижегородского уезда. В 1672 г. перед «гарью» местные крестьяне представили осаждающим их стрельцам «грамотку», в которой указывалось, что причиной их отказа посещать церковь стала «перемена» веры: в храме «поют глас антихристов». Главная вина в прежних, древних трагедиях и в происходящем на Руси в данный момент возлагалась на патриарха и высшее духовенство: «А Христа кто распял? Цари да патриархи да попы. А ныне свет они ш предадут». В сознании местных крестьян никоновские реформы отождествлялись с предательством Иуды и расправой над Христом. Окончательный вывод «сказки» свидетельствовал о решимости умереть за правое дело: «Да не боимся мы ни царя, боимся мы нашего Исуса Христа и помрем мы за веру христову и за истинный крест спасительный»⁵⁸.

Есть и другие примеры. Перед небольшим (17 человек) самосожжением в Мезенском уезде Архангельской губернии в 1744 г. старообрядческий наставник Алексей Бродягин в полночь внезапно выкинул из окна письмо. В нем наставник изложил причины несогласия с никоновскими церковными реформами. Как говорилось в документе, главной причиной несогласия с православной церковью стало троеперстие: «мы по-вашему сумнимся крестится тремя персты, крестимся мы двумя персты и того ради в ваши церкви не ходим». Далее следовали упреки в произошедшем повсеместно в России существенном для верующих изменении внешнего облика церквей: «вы возлюбили крест крыж и на церкви и прочих тайнах церковных». В заключительной части письма содержалось откровенное признание в бессмысленности по-

лемики: «И что с вами говорить? Что вы старым книгам противитесь, а мы ваш крест проклинаям треперстный <...>?»⁵⁹. Пока чиновники и представители духовенства, присланные для полемики и «взятия» старообрядцев, читали письмо, А. Бродягин и его сподвижники подожгли свою избу изнутри и сгорели⁶⁰. Последний пример из перечня писем, оставленных самосожигателями, связан с 1860 г. Сгоревшие в Каргопольском уезде оставили неподалеку от места «гари» мешок, в котором следователи, в числе прочих предметов, обнаружили тетрадь. Внимательное ознакомление с записями в ней позволило выяснить последние размышления тех, кто шел в огонь: «Мы избежали от антихриста и не можем на вашу прелесть глядети, лучше в огне сгореть, чем антихристу служить и бесами быть»⁶¹.

Отсутствие перед самосожжением обличения «антихристовой» власти характерно для тех «гарей», число участников которых было незначительным. Это объясняется низкой богословской и ораторской подготовкой участников таких самоубийств. Они, вероятнее всего, просто не были способны предъявить своим значительно более квалифицированным «увещателям» сколько-нибудь ясно сформулированные обвинения. Так, в марте 1751 г. в Тобольской епархии сгорела вместе со своим сыном и двумя дочерьми драгунша Прасковья Неустроева. В этом же году в огне погибли крестьянин Исетского ведомства Аника Жерновников с четырьмя малолетними детьми. В обоих случаях следствие не обнаружило никаких контактов между погибшими и старообрядческими наставниками — проповедниками самосожжений. Следствие зашло в тупик еще и потому, что предавшиеся «огненной смерти» не оставили после себя никаких письменных свидетельств о причинах столь трагического поступка⁶².

Сохранились свидетельства о спокойном отношении старообрядцев к осаде и даже о сочувствии их к служилым людям, вынужденным исполнять непростые обязанности. Во время подготовки к самосожжению в феврале 1683 г. в Дорах Каргопольского уезда старообрядческий наставник Ивашко заявил присланным для захвата старообрядцев служилым людям: «Болши с того у нас с вами речей не будет никаких, подите де отколе пришли, пока целы, потому что де у нас не одной матки детки, и вы де нам люди знакомые, а что бы де приехали незнакомые, и мы б де их всех перебили, и от нас бы де они живы не уехали»⁶³.

Другой пример говорит о том же. Во время самосожжения в Каргопольском уезде (1754 г.) старообрядцы позаботились о сохранении жизней осаждающих: «говорили команде и понятым, чтоб отступили от избы немедленно, понеже де у них есть пуда з два пороху, что слыша и боялись (осаждающие. — М. П.), дабы и их могло от подорву пороху убить, от избы отступили». Предупреждение оказалось весьма кстати: «только отступили, тотчас порох и взорвало»⁶⁴. Во время самосожжения в Линдозерском погосте Олонецкого уезда в 1757 г. старообрядцы «из окон выметали несколько барановых шуб, сермяжных кафтанов поношенных, вовсе негодных, также и холста конца с три добровольно и объявляли, что де за труд салдатом». Неожиданный презент был принят, продан, а вырученные деньги «употреблены при сыщеских делах на бумагу, чернила, сургуч и свечи»⁶⁵. Перед самосожжением близ деревни Горка Олонецкого погоста в конце XVII в. собравшиеся в «згорелом доме» крестьяне «говорили, что они скорее испарятся как дым, чем пойдут в неволю, где им придется отказаться от своей веры»⁶⁶. Эти слова стали последними: вслед за ними постройка, в которой находились крестьяне, загорелась.

Таким образом, имеющиеся источники позволяют опровергнуть существующее в литературе представление о том, что «всевозможные ругательства и брань»⁶⁷ были простым проявлением слабости старообрядцев, их неспособности оказать активный отпор осаждавшим их воинским командам. В действительности полемика с «увещателями» стала существенным дополнением обрядов, предшествующих самосожжению. Но старообрядческий наставник в решающий момент обращался не только к врагам, «слугам Антихриста», пытающимся ворваться в «згорелый дом». У него имелась аудитория, ожидающая духовной поддержки в предсмертные минуты. Кроме обличения «слуг Антихристовых», на старообрядческого наставника возлагалась еще одна существенная роль: он должен был в последний, решающий раз убедить сторонников старообрядческого вероучения, собравшихся в «згорелом доме», в необходимости скорейшей, без отлагательств, «огненной смерти». Старообрядческие сочинения говорят об этом вполне определенно. Так, старец Пимен перед самосожжением в Березовом наволоке Шуезерского погоста (1687 г.), по утверждению Ивана Филиппова, усердно занимался приготовлением своих сторонников к скорой гибели: всех собравшихся в «згорелом доме» он «на терпение вооружает, на мучение воздвигает, на страдание помазует»⁶⁸. Эта миссия облегчалась существенной чертой мировоззрения русских людей в XVII–XVIII в.: страх вызывала не столько смерть, сколько муки на «том свете» — наказание за несправедную жизнь. Так, в XVIII в. среди жителей Урала «весьма традиционным являлось то, что народ боялся не смерти, а умереть без покаяния, причащения и елеосвящения»⁶⁹.

Простые богословские рассуждения о том, что жизнь в «мире Антихриста» неизбежно приведет в ад, а «огненное крещение» позволит очиститься от всех грехов и избежать загробных страданий, зачастую оказывались вполне достаточными для того, чтобы спровоцировать самосожжение. Видения «потустороннего мира» здесь, как и полемических произведениях о самосожжениях, активно использовались. Так, перед самосожжением в скиту близ деревни Березовки Тобольского уезда старообрядческий наставник Данила убеждал готовых к смерти местных старообрядцев, что «ангелы венцы держат тем людям, которые де в той пустыне постригаются»⁷⁰. Особенно важным средством убеждения стали ссылки на евангельский текст. Так, некий старец Иона, живший в конце XVII в., благословлял своих духовных детей «себя замаривати (голодом. — М. П.) и сожигатися», основываясь на словах Христа: «Аще кто хочет душу свою спасти, погубит ю»⁷¹.

Очевидно, что и в XVIII в. перед любым самосожжением проблемы убеждения тех, кто страшился «огненной смерти» выдвигались на первый план. В некоторых случаях мы имеем дело с явными свидетельствами о дискуссии внутри старообрядческого сообщества, в принципе готового к гибели, но все еще не уверенного в том, что именно *теперь* необходимо совершить последний, роковой шаг. Так, перед самосожжением 1743 г., произошедшим в Мезенском уезде, старообрядцы, выслушав увещания присланной от Холмогорского преосвященного комиссии, стали рассуждать о предстоящей «гари». Одни утверждали, что гореть нельзя, «понеже де они все положены в подушный оклад», и платить подати придется оставшимся в живых «бедным сиротам и вдовицам». Другие возражали: «надобно сгореть», и не верить увещателям⁷².

Но в большинстве случаев в «згорелом доме» шел не диалог двух спорящих сторон, а слышался монолог одного человека — «учителя самогубительной смер-

ти». Начальные сведения об этой стороне деятельности старцев-наставников относятся к тому времени, когда самосожжение еще не превратилось в основную форму массовой гибели. Около 1665 г., по утверждению тогдашнего владимирского епископа Иллариона, на берегу озера Кшары (Вязниковский уезд) поселились старцы, которые, как говорилось в документе архиерея, адресованном царю, занимаются пропагандой старообрядческого вероучения: «без всякого опаства на твою благочестивую державу всякия хулы износят, и то невозможно и писанием известить, и сказывают они людям всемирную кончину в нынешнем году». Отчаявшихся, вырванных из привычной среды людей значительно проще было подтолкнуть к самоубийству. Для агитации в пользу самосожжений использовались все доступные возможности. Наиболее ранние свидетельства об этой составляющей подготовки к самосожжению относятся к последней четверти XVII в. В 1679 г. в Тюменском уезде близ Ялуторовской слободы на реке Березовке начало формироваться старообрядческое поселение. В нем старообрядческий наставник Данила «завел пустыню и поставил часовню и кельи». Регулярно совершались богослужения: «пели вечерни и часы», но обитатели скита категорически отказывались молиться за московского патриарха и сибирского митрополита.

Иногда главными действующими лицами в пустыни на первых порах становились истеричные «старницы и девки», которые словно заражали всех остальных своим фанатизмом. Они «бились о землю», и во время припадка выкрикивали, что видят «пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы венцы держат тем людям, которые де в той пустыни постригаются». Эта проповедь возымела действие: «многие из Тарска, из Тюмени и из других городов, и Тобольского уезду из слобод и Тюменских иных городов, из уездов всяких чинов людей, оставя дома с животы свои и скот, бежали к тому старцу Даниилу в пустыню с женами и детьми, и многие постригались». Лишь несколько человек не поверили старообрядческому наставнику и, как говорилось далее в документе, «роззнав, что в пустыни вся прелесть от диавола, возвратились и поехали в дома свои». Большинство прибывших остались в пустыни. Для них агитация продолжалась: «у того ж старца Даниила в келье пред иконами две черницы да две девки беснуются». При этом они произносили обычные для старообрядцев обвинения: «злою своею прелестью, возлагают хулу на церковь Божию, и троеперстное сложение, чем православные христиане знаменуют лице свое, называют антихристовою печатью, и новоисправленных книг принимать не велели». Особых проклятий удостоивались приходские церкви и обрядность: по словам женщин, «церкви де Божии осквернены и вся в них деетца скверная; и четвероконечный крест называют крыжем»⁷³. Узнав о создании нового старообрядческого поселения, тобольский воевода П. В. Шереметев распорядился послать служилых людей «для поимания того ж вора старца Даниила с его единомысленниками». Но эта акция не принесла успеха, а все собравшиеся старообрядцы, проведая о распоряжении воеводы, предпочли погибнуть в огне: «та пустыня с людьми до их приезде сторела»⁷⁴.

В большинстве случаев именно старец-наставник, а не его помощники, становился главным действующим лицом при планомерной подготовке к самосожжению. Его действия включали как демонстративное совершение обрядов по особым «раскольническим» правилам, без священника, так и проповедь самосожжения. Например, перед самосожжением 1693 г. в Пудожском погосте «чернец», руководивший подготовкой к самоубийству, «крестил вновь» всех

приходящих к нему, не останавливаясь перед тем, чтобы совершать обряд насильственно⁷⁵. Но самая главная его роль заключалась в проповеди: «говорил де он, чернец, всем людям, что ныне вера худая, и четвероконечный крест называет крыжем». Для того чтобы привлечь к самосожжению как можно большее число людей, старообрядческий наставник совершал регулярные поездки по окрестным деревням: «выезжая же из тое пустынки, он, чернец, людей к себе подговаривает и всячески прелщает». Наконец, негативное восприятие «никонианской» церкви выразилось в кощунственных действиях по отношению к местному приходскому храму: «в Пудожском погосте церковь вновь пересвятил <...> из церкви антиминс вынес и церкви Божии обругал»⁷⁶.

Ругательства в адрес сторонников «никонианской» церкви вообще и оказавшихся поблизости от «згорелого дома» увещателей в частности резко контрастировали с высказываниями, призванными обосновать самосожжения в глазах тех, кто поддерживал основные идеи старообрядцев, но сомневался в необходимости принять «огненную смерть». Здесь шли в ход «словесы сладосердыя», которые «яко стрелы пронзоша сердца незлобивых»⁷⁷. Как показывают данные старообрядческих самосожжений в Сибири (конец XVII в.), готовящихся к смерти старообрядцев наставник убеждал в том, что лучше сгореть «здесьним огнем», чем вечно гореть в огне геенском⁷⁸. Перед крупнейшим сибирским старообрядческим самосожжением близ деревни Мальцевой старообрядческие наставники ежедневно устраивали общее моление для всех готовящихся к смерти людей, «после которого читали книги о горестных временах Антихриста». «Для поддержания бодрости» среди «насмртников» они «беспрестанно и сильно внушали, что по нынешним временам, когда каждому грозит осквернение антихристовою печатью (троеперстием), горение - необходимый и неизбежный исход»⁷⁹.

На Европейском Севере России эта сторона деятельности старообрядческого лидера также прослеживается по документам. Так, в 1764 г., во время самосожжения в Троицком Зеленецком монастыре Новгородской губ., старообрядческий наставник увещевал двух женщин, опасющихся мучений, следующими словами: «Огонь их не возьмет, а выйдет душа безо всего, и выйдет ангел, и на их главы венцы положит, и ладаном будет кадить»⁸⁰.

Тем, кто нуждался в детальных оправданиях самоубийства, этот же наставник охотно давал более подробные объяснения. Спасшийся в последний момент из «гари» старообрядец Павел Еремеев на допросе показал, что «слышал от объявленного наставника своего, что священномученик Мефодий, патриарх царьградский, в житии своем написал: “Вопросит царь с мертвых дань, в тья времена отрекутся люди православныя веры и святого крещения, и честного животворящего креста, без бою, без мук и ран. А овья не захотят отрещись православной веры, и святого крещения, и святого Креста Господня, волею своею будут собираться и огнем сожигаться. Всякого их Господь причтет с мученики”».

Теперь, утверждал старообрядческий наставник, древнее пророчество сбылось: «оное де святой Мефодий писал на нынешнее время, ибо ныне с мертвых дань берут, потому что государь Петр Первый узаконил ревизии и когда сколько в ревизии написано будет людей, то хотя ис того числа многие и помрут, однако ж народ принуждают подати до будущей ревизии платить». Совсем иначе поступали «благочестивые цари». Они «збирали с одних живых, а за мертвых не требовали». Но самое главное, император Петр I «оставил правую веру и старопечатные

книги, а принял новообъявленные», положив тем самым основу отступничества: «и к нему многие люди преклонились без бою, без мук»⁸¹. В рассуждениях старообрядческих наставников в данном случае прослеживается очевидное влияние сочинений об Антихристе. Так, самосожигатели активно использовали идею о недопустимости взимания «дани» с мертвых: «лжехристос содела от гордости живущего в нем духа, учини описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска, старых и младенцов, живых и мертвых»⁸². Однако «водители на гари» придавали этим зловещим аргументам свою собственную трактовку. Таким образом, как пишет акад. Н. Н. Покровский, неприятие и осуждение бытовых нововведений Петра I выражалось в народной эсхатологии. Из известных верующим текстов брались предсказания о воцарении Антихриста, которые «провозглашались сбывшимися»⁸³. Эта общая закономерность деятельности старообрядческих наставников проявлялась и в подготовке к самосожжениям.

Наконец, последний способ убеждения в необходимости «гари» заключался в описании грядущих гонений, уготованных тем, кто откажется добровольно сгореть. Так, перед самосожжением близ Чеусского острога, Томского уезда, в мае 1756 г., «управителю» острога Копьеву старообрядцы заявили: «ежели де нас не будете гонить, мы де будем жить, пока смерть Бог соизволит, а егда де на нас будет нападение хотя от трех человек, то, де нам и гонение, и предадимся огню». Это намерение вызвало гнев старообрядческих наставников, братьев Гречениных, которые решительно возражали против отказа от самосожжения: «Что де вы от них, антихристовых слуг, слушаете? <...> Велят вам возвратится в дома по-прежнему и обнадеживают де вас, что де вам за то никакого истязания не будет». Но на самом деле это сплошной обман: «ежели де в дома возвратитесь, то де будет вам великое мучение и розыски, и на колья вам будут садить и колесить, как де и напред сего в Таре чинено было». В результате старообрядцы, собравшиеся в 10-ти избах, погибли в огне устроенного ими же самими самосожжения⁸⁴.

Таким образом, гибель собравшихся в «згорелом доме» становилась в большинстве случаев неизбежной. Исследователю поэтому приходится совершить невозможное: выяснить на основе весьма скудных сведений, что происходило в предназначенной для самосожжения постройке в последние минуты перед «гарью».

Выбор между жизнью и смертью

Последние минуты перед самосожжением предельно драматичны, а сохранившиеся о них сведения крайне противоречивы: ситуация выбора между жизнью и смертью предельно обостряла противостояние как внутри «згорелого дома», так и вокруг постройки, в которой находились соискатели загробного блаженства. Возможность выбора отнюдь не была призрачной. В последние минуты жизни старообрядцы, готовящиеся к смерти, могли «передумать» и, как показывают источники, в некоторых случаях действительно отказывались от трагического решения. В отличие от чиновников — составителей отчетов и законодателей, старообрядческие публицисты крайне редко рассматривали тот вариант действий участников «гарей», при котором самосожжение не совершалось. И все же эта проблематика привлекала внимание следователей, результатом работы которых стало обширное делопроизводство, полное подробностей осуществления «гарей». Таким образом, у

исследователя появляется возможность выявить и тот и другой вариант развития событий: отказ от «гари» и «самогубительную смерть».

Крайне редко самосожжения удавалось предотвратить путем умелого вмешательства представителей местной власти. Один такой случай известен по материалам Томского края. В 1746 г. в деревне Тугозвоновой старообрядцы собрались для самосожжения. Катастрофу предотвратил специально для этой цели командированный из Кузнецка поручик Волков. Он прибыл с воинским отрядом, но спрятал своих людей в лесу. Обеспокоенным старообрядцам он объявил, что отправляется обучать драгун, а до них ему «дела нет». «Насмертники» повели себя необычным для такого рода ситуаций образом. Они, поверив офицеру, разошлись по домам. Тогда поручик с солдатами ночью «переловил зачинщиков дела — расколоучителей Терентия Бычкова и чернеца с Керженца Никодима с некоторыми из последователей. <...> Лишившиеся предводителей и товарищей раскольники присмирели и успокоились»⁸⁵.

Большинство самосожжений заканчивались совершенно иначе. Документы XVII–XVIII вв. описывают ситуацию деловым языком протокола. Чаще всего своеобразным сигналом к самосожжению становился штурм постройки, где находился наставник со своими последователями. Самые ранние свидетельства о подобном рода ситуациях относятся к 1672 г. После того, как стрельцы начали ломать двери избы, где собрались крестьяне деревни Вармалей Нижегородского уезда, самосожжение свершилось. Как говорилось в составленном по горячим (в буквальном смысле слова) следам событий, «пороху и лну у них было принесено и как у той избы учали двери высекать, и оне сами себя в избе зажгли»⁸⁶.

Все другие свидетельства о последних минутах жизни участников «гари» существенно различаются. С одной стороны, сохранились данные, из которых следует, что старообрядцы относительно хладнокровно ожидали смерти и проводили последние минуты жизни в молитвах. Так, во время Дорской «гари», произошедшей 7 февраля 1683 г., стрельцы, ворвавшиеся в постройку, предназначенную для самосожжения, увидели следующее: «У них де в избы солома и скалвы и береста и лну и пеньки на полу и по грядкам навешено горит, а они де з женками и з девками обнявшись, стоя шатаются и стонут, а малые де робята на ошестках и по лавкам кричат и все де стонут, а никаких речей не говорят»⁸⁷.

Аналогичная картина сохранилась в описании другого самосожжения. Во время «гари» в Троицком Зеленецком монастыре, происшедшей немногим менее столетия спустя после первых каргопольских самосожжений, «как огонь стал весьма усиливаться, то все означенные бывшие в том собрании люди от великого дыму упали в той келье на пол и говорили: “Спаси, Господи, души наши грешные”»⁸⁸. Перед самосожжением 1756 г. близ сибирского села Каменки в Тобольской епархии старообрядческий наставник Андрей Шамаев «в назначенный час наутре взял большой пук зажженной лучины, поджег приготовленные в сенях солому и веники и остатки огня бросил под горницу. Когда пламя охватило здание, молившиеся поклонились последний раз до земли и затем легли на пол в ожидании смерти»⁸⁹.

С другой стороны, имеются достоверные свидетельства об успешных попытках старообрядческих наставников удержать в «згорелом» доме добровольно собравшихся и в особенности *насильно* приведенных туда людей. Так, в доношении в адрес Синода «обретающегося у сыску и искоренения воров и разбойников» пору-

чика Харитонова говорилось: старообрядцы «служа по расколу своему молебное пение, друг с другом прощались, и взяв по пуку лучины с огнем и имевшее у них для скорого зажжения, которое и под потолком имелось, а именно лучина и береста, и смолье, и прочее зажгли, и при том наставник во старческом одеянии, взяв ножи и роздал прочим со объявлением тем, ежели кто из них будет к окошкам подходить и кидаться вон, то б колоть и не выпускать из той гари никово»⁹⁰.

Приведенная цитата показывает, что состав участников самосожжения неоднороден: старец-руководитель самосожжения опирался на небольшую группу наиболее решительных сторонников, которые в ответственный момент поджигания находящейся под потолком бересты должны был удержать остальных участников массового самоубийства в здании, даже путем ножевых ударов. Вполне вероятно, что помощники были нужны старцу в основном для поддержки в последний момент: по мере приближения кульминации самосожжения старообрядцев одолевал вполне естественный, инстинктивный страх смерти, который нельзя преодолеть с помощью рациональных аргументов.

Это предположение подтверждается рядом доказательств. Как писал Евфросин, если бы перед началом самосожжения «да ворота отворили, ни один бы от страха и ужаса не остался, — все бы разбежались»⁹¹. На попытки старообрядцев в последний момент покинуть «згорелый дом» указывают и данные исторических исследований. Так, во время самосожжения в деревне Боранова Гора (Шведская Карелия, 1686 г.) старообрядческий наставник Пекка Ляпери «крикнул, что он сгорит вместе со всеми», надеясь личным примером удержать собранных им крестьян. Но даже это не помогло: «бывшие в избе люди бросились кто куда»⁹². Некоторые историки полагают, что такое поведение типично для старообрядцев-«насмртников». Так, по утверждению П. Н. Милокова, в ряде случаев «предприятие (самосожжение. — М. П.) откладывалось или расстраивалось вовсе»⁹³. Для предотвращения такого рода неудач и привлекались «неведомые люди» — спутники старца.

В некоторых случаях отчаянные попытки спастись из «згорелого» дома достигали успеха. Это становилось возможным после того, как самосожжение начиналось. Чудом спасшиеся люди указывали на то, что их участие в массовом самоубийстве было принудительным. В числе сибирских самосожжений известностью среди исследователей пользуется «гарь», произошедшая в деревне Мальцевой, неподалеку от Барнаула. Одни шли в огонь из родственных чувств, других удерживали силой, и они получали возможность спастись лишь после гибели большинства самосожигателей. Так, одного из участников «гари» крестьянина Кубашева сняли с палисада после завершения самосожжения, обгоревшего и распухшего. На основании такого рода фактов историки отмечают, что далеко не все участники этого массового самоубийства разделяли старообрядческие убеждения⁹⁴.

Материалы Европейского Севера России подтверждают это предположение. Так, крестьянин Иван Губачев в 1765 г. «из дому ево отлучился от убожества хлебного и недороду для прокормления работой». Вскоре он нанялся в работники к богатому старообрядцу. Спустя некоторое время Губачев заметил, что «показанный раскольник с собравшимися к нему неведомыми людьми, коих было человек до тридцати, начал збираться к самосожжению и начал же носить в ту избу, в которой их зборище было, солому и бересту, то он, Губачев, просился

из дому вон, но оной Иванов (хозяин. — М. П.) его не выпустил»⁹⁵. В 1755 г. «вынятой из гари» крестьянин Аким Иванов сын Мохнатин объявил на допросе, что бежал из родных мест, чтобы избавиться от рекрутской повинности, и «от нестерпения великих морозов» поселился у старообрядцев. Узнав об их смертоносных намерениях, Аким пытался спастись, «но токмо прочими бывшими в той гари людьми не выпущен был, а когда зажгли, тогда вбежав в верхние жилища, бросился из окна»⁹⁶. Он спасся от гибели и дал детальные показания, которые помогли следственной комиссии, а затем и историкам, ставящим своей целью разобраться в обстоятельствах самосожжений.

Таким образом, изучение данных о последних минутах, предшествовавших самосожжениям старообрядцев, показывает, что сообщество самосожигателей не было единым. Преодолеть сопротивление тех, кто сомневался в спасительности «огненной смерти», помогала разработанная старообрядцами технология массового самоубийства.

Примечания

- 1 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 448. Л. 29–30.
- 2 ПСЗ РИ-1. Т. 12. СПб., 1836. № 9155.
- 3 *Сырцов И.* Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 17–18. С. 361.
- 4 *Сикорский И. А.* Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тораполя). Психологическое исследование. К., 1897. С. 5.
- 5 Доношение пономаря Федора Шиманова // ГААО. Ф. 1026. Оп. 5. Д. 526. Л. 1.
- 6 Царская грамота Новгородскому митрополиту Корнилию о бывших раскольниках // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. С. 220–221.
- 7 Акты, относящиеся к расколу в Сибири // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1867. Т. 10. № 3. С. 15.
- 8 *Щепанская Т. Б.* Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 124.
- 9 *Щапов А. П.* Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи со внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII [в.] // Сочинения А. П. Щапова. Т. 1. СПб., 1906. С. 290.
- 10 Показания «крестьянской женки» Марьи Михеевой на допросе в Олонецкой духовной консистории // РГИА. Ф. 796. Оп. 65. Д. 107. Л. 62.
- 11 *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел. М.; Л., 1965. С. 150.
- 12 История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 43.
- 13 Там же. С. 30.
- 14 Отписка Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, царям Ивану и Петру Алексеичам // РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2364. Л. 1.
- 15 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 38.
- 16 Доношение Санкт-Петербургского губернского правления Синоду // РГИА. Ф. 796. Оп. 65. Д. 107. Л. 73.
- 17 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 13–14. С. 258.
- 18 *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII [в.]). Исторический очерк по архивным документам. М., 1891. С. 158.
- 19 Судное дело о разорении Палеостровского монастыря // Олонецкие губернские ведомости. 1849. № 8. С. 119.
- 20 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 448. Л. 26.
- 21 *Иоаннов А.* Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разногласиях. СПб., 1794. С. 104.
- 22 О самосожжении в пещере см.: *Добротворский И.* О самосожигательстве раскольников // Православный собеседник. 1861. Т. 1. С. 436.

- 23 *Островский Д.* Каргопольские «бегуны» // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 419.
- 24 *Лопарев Хр.* Предисловие // Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самоожжений 1691 г. СПб., 1895. С. 31.
- 25 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 55.
- 26 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 2364. Л. 2.
- 27 *Шайков А. Т.* Неизвестная «гарь» 1685 г. в верховьях Кокшеньги (к изучению истории старообрядческих самоожжений конца XVII в.) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 110.
- 28 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. С. 365.
- 29 Доношение в Правительствующий Сенат обретающегося у сыску и искоренения воров и разбойников Санкт-Петербургского гарнизона Какорского полку поручика Харитонову // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 29.
- 30 Там же. Л. 9 об.
- 31 Акты, относящиеся к расколу в Сибири. № 3. С. 15.
- 32 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 13–14. С. 259.
- 33 *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004. С. 40.
- 34 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 39.
- 35 По доношению судии Новогодского архиерейского разряда архимандрита Андроника о потаенных раскольниках в Каргопольском уезде // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1901. С. 631.
- 36 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. С. 368.
- 37 *Кремлева И. А.* Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 73.
- 38 *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 145.
- 39 *Шайков А. Т.* Самоожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 298.
- 40 РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 9 об.
- 41 *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998. С. 283.
- 42 *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 238.
- 43 *Демкова Н. С.* Из истории ранней старообрядческой литературы. «Жалобница» поморских старцев против самоожжений // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 59.
- 44 Дело о пудожских раскольниках // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. С. 378.
- 45 Там же. С. 380.
- 46 Там же. С. 389.
- 47 *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1983. С. 271. Аналогичной точки зрения придерживается Е. М. Юхименко (См.: *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. С. 19).
- 48 *Мельников Ф. Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 115.
- 49 РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 28.
- 50 *Мальшев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XIX в. Сыктывкар, 1960. С. 182.
- 51 *Юхименко Е. М.* Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (к проблеме самоожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 105.
- 52 Доношение Олонецкой воеводской канцелярии правительствующему Сенату // РГИА. Ф. 796. Оп. 46. Д. 180. Л. 1.
- 53 Показания крестьянина Ивана Кондратьева на допросе в Олонецкой воеводской канцелярии // Там же. Л. 30.

- 54 Рапорт Новоладожской воеводской канцелярии Правительствующему Сенату // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 16.
- 55 *Щитин В. И.* Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003. С. 10–11.
- 56 *Сапожников Д. И.* Указ. соч. С. 49.
- 57 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 344.
- 58 Цит. по: *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVIIв. М., 1986. С. 186.
- 59 Цит. по: *Есипов Г.* Самосожигатели // Отечественные записки. 1863. № 10. С. 626.
- 60 Там же.
- 61 *Островский Д.* Указ. соч. С. 419.
- 62 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. С. 364.
- 63 *Юхименко Е. М.* Указ. соч. С. 87.
- 64 Доношение Каргопольской воеводской канцелярии в Правительствующий Сенат // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 22 об.
- 65 НА РК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 220. Л. 45–45 об.
- 66 *Катаяла К.* Дымом в Царствие Небесное // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 33.
- 67 *Пругавин А.* Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе (Очерки, аналогии и параллели) // Русская мысль. 1885. Кн. 1. С. 103.
- 68 История Выговской старообрядческой пустыни. С. 30.
- 69 *Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия. М., 2000. С. 157.
- 70 Акты, относящиеся до раскола в Сибири. С. 216.
- 71 *Мальцев А. И.* Сочинения инока Евфимия как источник для изучения филипповского соглашения // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 72.
- 72 *Есипов Г.* Указ. соч. С. 622.
- 73 Акты, относящиеся до раскола в Сибири. С. 217.
- 74 Там же.
- 75 Дело о пудожских раскольниках. С. 387.
- 76 Там же. С. 387.
- 77 *Демкова Н. С.* Указ. соч. С. 57.
- 78 *Иванов К. Ю.* Самосожжения на территории Кузбасса // Наука и образование: Материалы V Международной научной конференции. Ч. 3. Белово, 2004. С. 419.
- 79 *Беликов Д. Н.* Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 38.
- 80 Рапорт поручиков Овсянникова и Помоголова // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 56 об.
- 81 Там же. Л. 56.
- 82 Собрание от Святого Писания об Антихристе // Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 310.
- 83 *Покровский Н. Н.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722. г. // Рукописная традиция XVI–XIX в. на востоке России (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1983. С. 49.
- 84 Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 7. М., 1890. С. 39.
- 85 *Беликов Д. Н.* Указ. соч. С. 36.
- 86 Цит. по: *Румянцева В. С.* Указ. соч. С. 186.
- 87 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 1945. Л. 141.
- 88 Рапорт поручиков Овсянникова и Помоголова генерал-прокурору А. А. Вяземскому // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 55.
- 89 *Сырцов И.* Указ. соч. // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 21–22. С. 399.
- 90 Доношение в Сенат обретающегося у сьску и искоренения воров и разбойников Санкт-Петербургского гарнизона Какорского полку поручика Харитоновна // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 27.
- 91 Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. С. 25.
- 92 *Катаяла К.* Указ. соч. С. 26.
- 93 *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 76.
- 94 *Иванов К. Ю.* Указ. соч. С. 423.
- 95 Доношение Олонецкой воеводской канцелярии правительствующему Сенату // РГИА. Ф. 796. Оп. 46. Д. 180. Л. 1об.
- 96 Протокол допроса Акима Иванова сына Мохнатина // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1652. Л. 30.